

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД И ВИЗАНТИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Т. Н. КУДРЯВЦЕВА

По данным археологии и истории раннефеодальные города со всеми присущими им особенностями социально-экономического, политического и культурного развития на территории Руси сформировались в VIII—IX вв. При этом многие историки не отрицают существования их более древних предшественников — дофеодальных поселений, родоплеменных и племенных городов V—VI вв.¹

Древний Киев как административно-политический и культурный центр Полянского княжества существовал уже в конце V—VI вв., включая два укрепленных поселения на Замковой и Старокиевской горе².

Таким образом, к моменту официального государственного принятия христианства Киевской Русью древнейшие ее города прошли 150—200-летний, а некоторые и 400—500-летний путь развития. Несмотря на более замедленный (по сравнению с поздним средневековьем) темп развития социально-экономических отношений, есть основание предполагать, что за такой длительный период градостроительство Древней Руси уже выработало определенные принципы и приемы, учитывающие сложившиеся внутри городской общины формы землевладения, экономических и социальных взаимоотношений, религиозные воззрения, строительные и культурные традиции. Большое влияние на формирование традиций древнерусского градостроительства должны бы-

ли оказывать и природно-климатические условия.

С принятием христианства на Руси начала распространяться переводная византийская литература, включавшая не только произведения богословские, догматические, литургические и прочие необходимые для церковной службы книги, но и византийские историко-правовые сочинения. Значительная часть этой литературы поступала на Русь уже переведенной на славянский язык из Болгарии, Моравии, Сербии и Афона.

В вопросе применения на Руси византийского канонического церковного и гражданского права важнейшее место занимает изучение Кормчей книги. История вопроса, связанная с исследованием Кормчей книги как современными учеными, так и в прошлом веке, подробно изложена Я. Н. Шаповым³. Здесь важно отметить, что трудами исследователей XIX в., таких, как К. Д. Калайдович, Н. М. Карамзин, Е. Балховитинов, Н. В. Калачов и др., были введены в науку древнейшие списки Кормчей и дана общая оценка значения этого памятника для развития русского права.

Современные исследователи византийского и древнерусского правового наследия значительно расширили круг изучаемых источников, включив в него все доступные изучению и вновь открытые списки Кормчей книги, Мерила Праведного и отдельных входя-

¹ См. напр.: История Киева.—1982.—Т. 1—С. 44.

² Там же.—С. 55.

³ Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв.—М., 1978.—С. 3—39.

щих в их состав произведений. В частности, появились фундаментальные публикации различных редакций Закона Судного людем⁴, Византийского земельного закона, включающего греческие и русские версии и сопровождаемого юридическим комментарием⁵. М. Н. Тихомировым опубликовано «Исследование о Русской Правде»⁶, а Я. Н. Щаповым кроме уже упоминавшейся книги — целая серия статей и исследований об отдельных списках Кормчей книги (Ефремовской, Варсонофьевской, Новгородской Синодальной, Рашской Кормчих).

В указанных исследованиях дан подробный исторический, лингвистический, источниковедческий анализ документов, выявлены древние протографы более поздних редакций и версий отдельных византийских канонических произведений и сборников, исследованы культурные и политические условия усвоения и трансформации византийских источников на русской почве.

В древнем архетипе переведенной на славянский язык Кормчей книги XI в., а также в некоторых ее редакциях и компилятивных сборниках содержится византийский гражданский правовой кодекс — Закон градский (Прохирон), состоящий из 40 граней (или титулов), имеющих самое разнообразное содержание. В нем помещены законы о наследственных и имущественных правах граждан, церковном имуществе, браке и дозволенных при этом степенях родства, о казнях, о перемещении церковнослужителей и прочие, регулирующие взаимоотношения жителей города законы.

Г. В. Алферова обратила внимание на содержащиеся в 38-й грани Зако-

на градского законы, определяющие имущественные права граждан, связанные с недвижимой собственностью: дворовыми владениями, их строительством, перестройкой, продажей, эксплуатацией и пр. В статье, посвященной этому вопросу⁷, Г. В. Алферова сделала попытку истолковать 38-ю грань Закона градского как градостроительное законодательство, определявшее строительные нормы, планировку и художественный облик городов. Опираясь на данные о широком распространении Кормчих книг на Руси начиная с XI—XII вв. до XVII в. (и даже позднее), Г. В. Алферова пыталась доказать применение в русском градостроительстве этих законов и полное соответствие древнерусских городов содержащимся в них нормативам и указаниям.

При этом автором были допущены три основные методические ошибки, приведшие ее к неверным выводам. Первая: Г. В. Алферова не ознакомилась внимательно с трудами⁸, в которых подробно разбирается вопрос о степени распространенности собственно Закона градского в русских списках Кормчей и как следствие этого — о степени его популярности и правовой действительности на русской почве. Вторая ошибка — попытка исследования градостроительного содержания отдельных законодательных статей делалась на основании неточного перевода древнерусского текста на русский язык и без подробного анализа полного текста каждой статьи, лишь на основе трактовки выборочных положений в отрыве от контекста⁹.

⁷ Алферова Г. В. Кормчая книга как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства. Ее влияние на художественный облик и планировку русских городов // Византийский временник. — 1973. — № 35. — С. 195—200.

⁸ См: Бенеманский М. Закон градский. — М., 1917; Дювенуа Н. Источники права и суд в Древней России. — М., 1869.

⁹ Алферова Г. В. Указ. соч. — С. 214—220. В связи с указанными обстоятельствами

⁴ Закон судный людем краткой редакции и Закон судный людем пространной и сводной редакции / Подготовили к печ. М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. — М., 1961.

⁵ Византийский земельный закон / Под ред. Н. П. Медведова. — Л., 1984.

⁶ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. — М. — Л., 1941.

Третья методическая ошибка — поиск соответствия структуры и облика древнерусских городов требованиям Закона градского велся без привлечения конкретных исторических и археологических материалов по городам Древней Руси до начала XVIII в. Автор оперировал планами городов середины — второй половины XVIII в. (без ретроспективной реконструкции) и натурными исследованиями застройки городов, перепланированных и перестроенных в XVIII—XIX вв. (Гороховца, Каргополя, Торжка, Москвы, Казани).

Все вышесказанное подтверждает необходимость более подробно, внимательно и научно аргументированно разобрать все три основных вопроса: масштаб применения на Руси Закона градского (Прохирона), содержание статей 38-й грани Закона и сопоставление их с конкретной градостроительной практикой допетровского периода.

Я. Н. Шапов в своем обобщающем труде, посвященном распространению Кормчей книги на Руси в XI—XIII вв.¹⁰, справедливо отмечает, что ограниченное количество сохранившихся древнерусских документов, отражающих применение на Руси отдельных норм права, не дает оснований для определения степени распространения и применения переводных юридических памятников. В качестве косвенного источника сведений о степени и формах использования переводных сборников права автор указывает на «вторую жизнь» этих сборников и их частей на Руси — распрост-

в данной статье приводятся подлинные тексты анализируемых статей 38-й грани Закона Градского и их уточненные переводы с древнерусского на современный русский язык. Древнерусский текст цитируется по Кормчей книге, изданной старообрядческой типографией при Преображенской богадельне Москвы в 1914 г., которая повторяет текст Кормчей книги, напечатанной при патриархе Иосифе, с небольшими дополнениями, не относящимися к Закону Градскому.

¹⁰ Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв.—М., 1978.—С. 37—38.

ранение в списках, переработки, включение в состав местных сборников. Наиболее показательным свидетельством применения переводных сборников Я. Н. Шапов считает создание на русской почве их новых редакций путем сокращений, дополнений или компилирования с другими, близкими по содержанию, хотя это по сути признание полезности памятника лишь при условии его приспособления к местным нуждам.

Замечая далее, что распространение списков первоначального текста памятника без его переработки менее показательно, автор приводит мнение Н. Д. Дювенуа о постановлении Прохирона (Закона градского): «От существования их в русском переводе нельзя заключить к их приложимости, ибо переводилось все, что было в греческих номоканонах: статьи о наследстве, о городских сервитутах, о договорах, о наказаниях, хотя ни таких сервитутов, ни договоров, ни наказаний в Древней Руси не было»¹¹.

Применяя указанную Я. Н. Шаповым методику для определения степени применимости Закона градского в Древней Руси, приходится констатировать, что, несмотря на то, что он входил в состав древнего византийского и южнославянского протографа Кормчей книги, его распространение в Древней Руси не было столь же массовым, как распространение Кормчей.

Из трех основных вариантов древних редакций Кормчей книги — Древнеславянского, Сербского и Русского — в Древнеславянские и Русские редакции полный текст Прохирона (Закона градского) не входил. В Славянской Кормчей книге присутствуют три отрывка из Прохирона (7, 24 и 28 титулы)¹², а в Русских

¹¹ Дювенуа Н. Источники права и суд в Древней России.—М., 1869.—С. 321.

¹² Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв.—М., 1978.—С. 59.

редакциях помещены титулы 1, 2, 3, 11 и 12, посвященные правовым нормам обручения и расторжения брака и связанных с этим имущественных отношений. Остальные 35 титулов Закона градского (в том числе и 38-й титул, содержащий строительные нормы) были опущены¹³. Причем к Русской редакции, больше всего распространенной на Руси в XIV—XVI вв., принадлежит подавляющее большинство известных сейчас списков Кормчей — 130 из 180¹⁴.

Только в середине XVII в. (1649 г.) в Москве патриархом Иосифом было осуществлено первое типографское издание Кормчей, в основу которой была положена Сербская редакция. Иосифовская Кормчая включала в себя полный текст Закона градского. Этот факт, однако, нельзя считать свидетельством большей применимости Закона градского в русской практике XVII в., так как в Иосифовской Кормчей наблюдается вообще характерное для второй половины XVII в. стремление вновь приблизиться к византийским первоисточникам: наряду с включением полного текста Закона градского из ее состава были изъяты многие русские дополнения (Русская правда, Вопросание Кирика Новгородца и др.), входившие в русские редакции Кормчей. Отсутствие полного текста Закона градского в Кормчих XIII—XVI вв. объясняется тем, что основная часть содержащихся в нем законоположений не относилась к области церковной юрисдикции. Подтверждает это и тот факт, что почти одновременно с созданием Русской редакции Кормчей в конце XIII в. был составлен другой юридический сборник — Мерило Праведное, в который Закон градский был включен целиком. М. Н. Тихомиров и Я. Н. Шапов высказывают единодушное мнение, что Мерило Праведное, судя по его введению и содержанию

поучительных статей о справедливом суде, обращенных к князьям и властителям, было предназначено для судебной деятельности княжеской власти¹⁵. Однако списки Мерила Праведного не имели столь широкого распространения в Древней Руси, как Кормчая книга¹⁶, что уже свидетельствует о достаточно ограниченном применении на Руси большей части правовых норм Закона градского.

Вопрос же о сфере применения конкретно строительных норм 38-й грани Закона градского, по-видимому, можно уточнить, обратившись к их содержанию.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что включенные в 38-ю грань Закона градского 64-й статьи (или законоположения) нельзя квалифицировать как градостроительное законодательство, поскольку содержание глав 38-й грани ограничено изложением юридических прав и обязанностей горожан лишь относительно их недвижимого имущества (т. е. земельных владений в городе, имеющих на них жилых и хозяйственных строений и элементов благоустройства). Так, вопросам норм и имущественных прав при строительстве и перестройке городских домов посвящены 15 статей, вопросам эксплуатации и внутренних ремонтных работ — 9 статей. В 14 статьях излагаются условия, права и обязанности домовладельцев, связанные с ремонтом и строительством водопровода, канализации, организацией стока воды в жилых дворах; 2 статьи касаются зеленых насаждений. В 7 статьях содержится разъяснение, как решать спорные вопросы о границах смежных владений и границах двора и улицы. Большинство остальных глав оговаривает условия различных соглашений и сделок

¹⁵ Тихомиров М. Н., Шапов Я. Н. Указ. соч.—С. 222.

¹⁶ Калачов Н. В. Мерило Праведное// Архив историко-юридических сведений, относящихся к России.—СПб., 1876.—Кн. I.—Отд. 3.—С. 29—42.

¹³ Там же.—С. 170.

¹⁴ Там же.—С. 35.

между дворовладельцами. Таким образом, статьи 38-й грани Закона градского содержат ряд ценных сведений о византийских нормах ограничения и регулирования жилого строительства в городах и, кроме того, дают прямые и косвенные свидетельства вообще о характере жилой застройки византийских городов.

Прежде всего, имеет смысл обратиться к содержанию первой же статьи Закона: «Нóво дѣло творитъ нѣкто, или создáти хотя́, или разрушити нѣчто, и прѣдний образъ изменить»¹⁷, то есть: «Новое дело творит некто, если хочет создать или разрушить что-нибудь и прежний вид изменить». Оценивать его нужно, имея в виду общее, вполне конкретное юридическое значение всех последующих глав. Поэтому вряд ли имеет основание данная Г. В. Алферовой трактовка этой статьи как некоего философского рассуждения о том, что «каждый новый дом в городе влияет на облик города в целом»¹⁸. Город в этом тексте вообще не упоминается, а понимание выражения «новое дело» в смысле изменения облика города (в той его части, где строится новый дом) ничем не обосновано. Гораздо более реально истолковать смысл первой статьи как вполне конкретное юридическое положение, которое затем применяется во многих последующих статьях Закона (4, 6, 12, 13, 14, 29, 31, 32, 38, 41, 42, 46, 48): любое «новое дело» владелец двора может начинать, лишь получив разрешение городских властей и заключив определенные соглашения (договоры) с владельцами соседних дворов, если задуманные работы затрагивают их имущественные интересы; «старое дело» (т. е. на которое уже имелось разрешение властей и согласие соседей) человек может продолжать невозбранно в течение определенного количества лет, оговоренного в

статьях Закона. Таким образом, в первой статье ставится юридическое условие: постройка, разрушение и перестройка жилого дома — «новое дело», которое можно начинать, лишь получив соответствующее разрешение.

Затем, чтобы точнее разобраться в содержании глав, регулирующих строительство и перестройку жилых домов, нужно уточнить значение упоминаемых в тексте мер: «стопа», «12 стоп», «сто столпов». Несмотря на утверждение Г. В. Алферовой о «стопе», что «размер этой меры длины пока не установлен»¹⁹, обращение к греческому подлиннику дает вполне точное значение этой меры: «стопа» — «τάβηματα» — в значении «ступня». Это вполне согласуется вообще с антропоморфностью древнегреческих и древнерусских мер. По данным исследователей, в Древней Греции и Риме размер стопы равен 29,7 см²⁰ и является достаточно удобной мерой для первичных измерений расстояний на местности. Таким образом, «12 стоп» — это около 3,5 м. А непонятная мера в «сто столпов» (ст. 6) при сравнении с греческим подлинником оказывается опиской в древнерусском тексте, так как там говорится о «ста стопах», т. е. о примерно 30 метрах, отчего представление Г. В. Алферовой о наличии в ст. 6 «центра Константинополя в пределах Ста Столпов» в качестве градостроительного образца²¹ становится нереальным. В статье речь идет о том, что человек, строящий дом в пределах («внутри») ста стоп (т. е. 30 м) от другого двора, имеющего вид на море, может «невозбранно» (т. е. беспрепятственно) загорючить этот вид, если только между дворами будет расстояние больше 12 стоп (3,5 м): «Аще кто́ от повáрницы или от пекáлницы, или от скáлы, рѣкше от стóгны, или от голѣмых

¹⁷ Кормчая книга.—Гл. 49.—Грань 38 (ст. 1).—Л. 475 об.

¹⁸ Алферова Г. В. Указ. соч.—С. 197.

¹⁹ Алферова Г. В. Указ. соч.—С. 198.

²⁰ Федерякин В. И. Система древнегреческих мер и ее использование в строительстве.—ВНИИИС, 1984.

²¹ Алферова Г. В. Указ. соч.—С. 197.

оулицъ, оуду же человецы минбують, прозёръ на море имать, таковой прозёръ, иже внбуть стá стóлпъ зйжда, не възбранно от'иметь, áще тóкмо не дванáдесяте стóпъ боудеть, междоу двемá дворóма»²². «Если кто от поварни, или от пекарни, или от лестницы (т. е. от улицы — лестницы — Т. К.)²³, или от больших²⁴ улиц, где люди проходят, имеет вид на море, то строящий в радиусе 100 стоп (от этого места — Т. К.) может беспрепятственно загородить такой вид, если только между двумя дворами будет расстояние не 12 стоп».

Возникает естественный вопрос, какие выводы о градостроительных традициях византийских городов можно сделать из тех конкретных ситуаций, которые оговорены в условиях Закона. Можно предположить, что здесь перечислены все основные варианты расположения в городе жилых дворов, которые обеспечивают раскрытие вида на море: «от поварницы или от пекарницы», «от лестницы, т. е. от стогны (улицы)», «от больших улиц, где люди ходят». Это характерные условия южного приморского города типа Константинополя, с достаточно крутым рельефом, опускающимся к морю, с сохранившимися еще античными традициями застройки жилыми

домами с внутренними дворами, с большим количеством очень узких жилых улиц. В таких условиях действительно вид из внутреннего двора дома на море может открываться, только если дом расположен на большой улице, т. е. имеющей достаточную ширину, чтобы застройка противоположной ее стороны не загораживала вид, или при площадке улицы-лестницы, поднимающейся по рельефу вверх. Не случайно, по-видимому, упоминание поварни и пекарни. Греческий жилой дом, сохраняя античные традиции, имеет внутренний двор, в котором сосредоточена основная жизнедеятельность его обитателей.

Вблизи кухонных помещений (поварни, пекарни) удобнее всего располагалось во дворе столовое место для обеда и отдыха жителей, отчего и открывающийся отсюда вид на море особенно ценился.

О том, что текст этого закона порожден преимущественно строительной практикой Константинополя, свидетельствует и оговоренный в Законе размер в 100 стоп (30 м), в пределах которого решается вопрос, при каких условиях можно невозбранно загораживать соседу вид на море. Почему именно 30 м, а не больше? Ведь на ровной местности влияние высокого дома на видимость из соседних владений должно распространяться гораздо дальше. Видимо, именно потому, что речь идет о застройке на крутом рельефе и только по направлению спуска к морскому берегу. В такой ситуации на расстоянии 30 м падение рельефа было достаточно большим, чтобы строящиеся за пределом этого размера дома уже не влияли на стоящие выше по рельефу.

О ярусном характере расположения жилых кварталов свидетельствует и содержание 14-й статьи Закона: «Его же до́мове работы ради превы́шши соубъ во власти емоу ёсть без мёры сйя въздвйгнути, имже оубо поднймъ соубщимъ домбмъ соседнимъ, не отягчйти рабóтою тйжкою пáче

²² Кормчая книга.—Гл. 49.—Грань 38 (ст. 6).—476, 476 об. Следует отметить, что в упомянутой статье Г. В. Алферовой в Византийском временнике в опубликованном там переводе 38-й грани Закона Градского перевод этой статьи Закона ошибочный, сильно искажающий ее смысл (см. указ. соч., с. 215).

²³ «Ска́ла» — лестница. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка.—СПб., 1903.—Т. III.—Ст. 363; «стóгна» — улица, площадь. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь.—М., 1899.—С. 664. Так что текст «от ска́лы, рёкше от стóгны» — следует понимать как пояснение, что имеется в виду не любая лестница, а улица-лестница, поднимающаяся по крутому рельефу.

²⁴ «Големый» — большой, высокий. Срезневский И. И. Указ. соч.—Т. I.—Ст. 547. Так что возможно, что здесь имеются в виду не «большие», а «верхние» (т. е. высоко по рельефу расположенные) улицы.

ёже понесті дѳлжни боудуть»²⁵. Г. В. Алферова, опираясь на неверный перевод, считает, что здесь говорится о совместном владении разными этажами одного дома и о том, что если начата надстройка дома, то ее можно осуществлять на любую высоту, лишь бы выдержали стены дома²⁶. В действительности содержание закона таково: «Тот, чей дом благодаря постройке выше всех (домов)²⁷, имеет право надстроить его на любую высоту, лишь бы находящиеся под ним (ниже по рельефу) соседние дома не получили нагрузку большую, чем они могут выдержать».

Требования этого закона становятся ясными в сопоставлении с 13-й статьёй, в которой запрещается увеличивать при перестройке высоту дома, если этим наносится вред соседу: «Аще падшии двѳръ обновляя, восхощетъ возвысити, и испакостити соседнимъ окѳнцемъ, или ино что сотворити на вредъ соседу, ноудимъ ёсть и подобие и оустроёние предняго дому ветхий образъ носити»²⁸.

Логично, что дом, стоящий по рельефу выше других домов, при надстройке на любую высоту не может повредить открывающемуся из их дворов виду. Поэтому в таком случае единственное условие надстройки — не допускать перегрузки конструкции чужих строений на нижних террасах города.

Если разбираться дальше в том, каков характер жилой застройки, регулированию которой посвящены статьи Закона, следует обратить внимание на статьи 11, 17, 30, 32, в которых оговариваются те или иные права домовладельцев относительно об-

щей стены. Это ясное свидетельство о сплошной линии застройки улиц жилыми домами, имеющими друг с другом общие торцовые стены, — характерный тип древней застройки южных городов и в античное время²⁹, и в средневековье. Сходная характеристика застройки извлекается и из статьи 3, где говорится о совладельцах одного дома.

В таком случае появляется законный вопрос, как оценить в градостроительном плане статьи 4, 5, 6, посвященные охране видов на море? Прежде всего следует отметить, что если бы византийские города имели разреженную застройку с разрывами между домами, то вид на море открывался бы (учитывая крутой рельеф) из большинства дворов, со всех улиц и площадей, и законодательная охрана всех этих видов поставила бы жителей в условия невозможности найти место для какого-либо нового строительства. К тому же ни в одной статье Закона не идет речь об охране видов на море просто с улиц и площадей города, т. е. об охране ландшафтной красоты самого города, его пространственного раскрытия на море.

В статье 5 говорится: «В семъ богатемъ граде, рекше въ Царе граде, прозора соседня двою надесяте стопу токмо, истязающе не отимеши, аще право зрѳтъ к морю стоя во своемъ дворе, или седя въ немъ, и не ноудимъ обратитися на страну, яко же бы видети море. Аще же вящше двою надесяте стопу, между двома боудеть разстояние, леть ёсть не възбранно творити хотящему, и соущий на мори прозоръ соседу отъяти»³⁰. То есть: «В этом богатом городе, называемом Царьградом, расстояние до соседа в 12 стоп только, споруше не отнимай, если он свобод-

²⁵ Кормчая книга.— Гл. 49.— Грань 38 (ст. 14).— Л. 477, 477 об.

²⁶ Алферова Г. В. Указ. соч.— С. 198, 216.

²⁷ Здесь совершенно очевидно имеется в виду высокое место расположения постройки на рельефе, а не высота самого дома.

²⁸ Кормчая книга.— Гл. 49.— Грань 38 (ст. 13).— Л. 477.

²⁹ Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья.— Киев, 1982.— Рис. 33(1), 43, 44.

³⁰ Кормчая книга.— Гл. 49.— Грань 38 (ст. 5).— Л. 476.

но³¹ видит море, стоя в своем дворе или сидя в нем, и не вынужден поворачиваться в сторону, чтобы видеть море. Если же больше 12 стоп между двумя дворами будет расстояние, можно беспрепятственно строить хотящему и имеющийся вид на море у соседа отнять».

Из контекста этой статьи Закона, уже цитированной раньше 6-й статьи, а также других, в которых упоминается расстояние в 12 стоп (4, 9 ст.), видно, что речь идет о расстоянии не между домами, стоящими по одной стороне улицы, а о ширине улицы, т. е. о расстоянии между домами, стоящими друг против друга.

Законом охраняются лишь виды на море, открывающиеся из дворов жилых домов. Причем, как следует из приведенного текста 5-й статьи, охраняется не любой вид, а лишь тот, который открывается, если смотреть из двора прямо. Эта интересная подробность, специально оговоренная в Законе, подтверждает мысль о том, что «вид на море» во всех статьях Закона градского выступает как часть имущественных прав дворовладельцев, как некое качество недвижимого имущества (дома), которое имеет определенную (может быть даже стоимостную) ценность. Исключение боковых видов из охраняемых законом свидетельствует о стремлении не усложнять чрезмерно условия строительства в городе, как выразительно сказано в статье 6: «ибо не подобает соущихъ некому работна, сильными законы погубляти».

Еще более очевидным подтверждением того, что подавляющее большинство статей направлено на охрану и регулирование прав частной собственности, а не каких-либо качеств города вообще, служат пояснения, содержащиеся в 4 и 6-й статьях, что если есть соглашение с соседом, то имеющийся у него вид на море и свет в окнах

можно отнять, строя дом на любую высоту.

Единственное положение, сформулированное в 4, 9, 33 и 34-й статьях, можно расценивать как относящееся напрямую к градостроительству — это законодательная охрана размера ширины улицы не менее 12 стоп (т. е. 3,5 м) и охрана вообще земли, занимаемой улицами и площадями города, от посягательства частных владельцев.

В статье 4³², в частности, говорится, что «когда два двора будут расположены напротив друг друга, подобает между ними быть 12-ти стопам, начиная от основания здания и с сохранением (этого размера) на всю высоту. При сохранении этого расстояния можно каждому воздвигнуть свой дом на любую высоту и делать в нем окна, через которые хочет смотреть».

9-я статья³³ дополняет существенно 4-ю: «Егда средѣ соущи тѣсне, или ширѣе, премѣри свой дѡмъ, и аще вѣщше двою нѣдесеате стопу, тѣснаго или ширѡкаго мѣра, да не от'иметсѣ изобѣльное и къ своему дѡму да не приложѣтсѣ, не на пѣкость бо людскому пути, аще и вѣщше двѣ нѣдесеате стопъ повелѣ заповѣдь, но яко же не теснѣйшу быти въздѣху, двою нѣдесеате стопу между дворы. Егда же бѡльше обрящѣтсѣ стѡгнам или оулице мѣра, ничтѡ же отъ неѣ оуоуѣти, но градѣжу имѣти свой цѣла».

Следует пояснить, что поскольку в этой статье идет речь о ширине улицы, то под «средой» подразумевается расстояние между противостоящими домами. В законе объясняется, что «когда среда тесная или широкая, измерь расстояние до своего дома, и если мера тесного или широкого места улицы будет больше 12 стоп, то излишек (земли) нельзя отнять и присоединить к своему дому, чтобы не навредить людскому пути. Так как, если и больше

³² Кормчая книга.— Гл. 49.— Грань 38 (ст. 4).— Л. 475 об., 476.

³³ Там же.— Л. 476 об., 477.

³¹ В подлиннике «право» — т. е., правильно, по праву, а значит — свободно, прямо.

12-ти стоп, Закон повелевает, чтобы между дворами было не теснее 12 стоп. Когда же окажется размер площади или улицы больше, ничто от них нельзя отнять, но принадлежащее городу иметь целым».

Важно понять, почему появилась эта статья, когда в 4-й уже оговорен размер улицы в 12 стоп. 9-я статья поясняет, что если ширина улицы колеблется, то независимо от того, является ли данное место широким или узким относительно других частей улицы, больше или меньше оговоренного законом размера в 12 стоп, нельзя часть земли улицы отнимать под частное владение.

Далее в статье говорится о том, что если улица уже 12 стоп, то не разрешается увеличивать высоту дома или делать большие проемы.

Особый раздел, относящийся к улицам, составляют две статьи, в конце Закона градского — 33-я и 34-я. Они отделены от уже разобранных статей, так как касаются особого, более частного случая — крытых ходов или галерей, находящихся в общегородском пользовании. В статье Г. В. Алферовой дан неправильный перевод (особенно ст. 33), сильно искажающий смысл и затрудняющий понимание законов. Статья 33³⁴: «Крѳомъ³⁵ ведѳщаго путѳ николи же рабѳта врѳмене претечѳния ймать, понѳже³⁶ потрѳбовати не погубити», т. е.: «пути, идущего под крышей (т. е. крытого пути), строительные (или ремонтные) работы никогда не должны прерываться, после того как было требование не разрушать его». Появление этой статьи Закона вызвано,

³⁴ Кормчая книга.—Гл. 49.—Грань 38 (ст. 33), л. 480.

³⁵ Слово «Крѳомъ» в древнерусском языке означает только—крыша, шатер, покров, комната, убежище. См.: Срезневский И. И. Указ. соч.—СПб., 1893.—Т. I.—Ст. 1326. В статье Г. В. Алферовой (Указ. соч.—С. 217) слово «крѳомъ» переведено как «могила».

³⁶ «Понѳже-понѳде же»—«с тех пор как», «после того как». Срезневский И. И. Указ. соч.—Т. II.—Ст. 1179.

по-видимому, именно распространенностью в жарких южных городах крытых уличных путей, дающих тень и прохладу проходим. Однако эксплуатация крытых путей естественно связана была с необходимостью постоянной заботы о них городских властей и самих горожан, регулярного их поддержания и ремонта, чтобы избежать опасных для жизни жителей обрушений кровли.

Статья 34³⁷: «Иже кѳо безѳ повелѳния царѳва посланаго кѳ епарху градскѳму, многи стѳгны, или странѳи некѳия, отѳ нихѳ приградѳтъ кѳ своѳмъ домѳмъ или прикѳснется притвѳрехъ³⁸, на своѳ потрѳбу отѳемъ безѳ всякаго отвѳта, дрѳвняя оуправления граду отдастѳ», т. е. «Тот, кто без повеления царя, посланного к городскому управителю, большие площади или некоторые части от них отгородит к своему дому или присоединит к крытым ходам (галереям), отняв для своих нужд, без всякого спора прежние права (на владения) городу должен отдать».

Заканчивая разговор об улицах, следует вернуться еще раз к законодательному размеру в 12 стоп. 12 стоп—3 м 56 см—это ширина улицы, которая считается вполне достаточной для города, обеспечивающей отсутствие затесненности пространства. При таком размере улицы разрешается строить дома любой высоты, делать большие окна. Ограничение высоты домов, размера и количества окон возникает при ширине улицы 10 стоп (2 м 97 см) в статье 10³⁹. Здесь же говорится о том, что при такой ширине улицы открывающиеся окна можно делать на высоте 6 стоп (около 1 м 80 см) над полом, по-видимому, для того, чтобы нельзя было

³⁷ Кормчая книга.—Гл. 49.—Грань 38 (ст. 34), л. 480.

³⁸ «Притвѳръ» — крытый ход, галерея, портик. Срезневский И. И. Указ. соч.—Т. II.—Ст. 1477.

³⁹ Кормчая книга.—Гл. 49.—Грань 38 (ст. 10).—Л. 477.

Заглядывать в них с улицы, а хозяева не могли через них наблюдать за жизнью в доме через улицу. По этой же причине воспрещается ради освещения делать оконные проемы во входной двери.

Такая ширина улиц возможна лишь при каменной, более огнестойкой застройке города и ее террасности, уменьшающей тесноту. Кроме того, целесообразна она именно на юге, где неширокие улицы, небольшие внутренние дворы, имеющие сплошную периметральную обстройку, крытые ходы-галереи, спасают людей днем от палящего солнца.

Подводя итог анализу статей 38-й грани Закона градского, затрагивающих вопросы строительства, можно заключить, что правовые нормы, помещенные в нем, могли возникнуть лишь на основе опыта регулирования жилого строительства южного приморского города, обладающего специфическими особенностями планировки и застройки, которые обусловлены климатом и природным ландшафтом.

Строительство городов Киевской Руси IX—XIII вв. и Московской Руси велось в совершенно иных климатических и ландшафтных условиях, что наиболее сильно отражалось именно на характере массовой жилой застройки. Структура планировки и застройки древнерусского жилого двора в основных своих чертах была достаточно стабильной — менялись лишь размеры земельных наделов, габариты построек, их назначение и конкретные архитектурные формы. Жилые дворы никогда не имели периметральной обстройки. Каждый двор имел ограду с въездными воротами. На линию улицы обычно выходили второстепенные постройки. Жилой дом хозяева старались расположить в глубине двора или торцом к улице (если габариты владения были невелики). Соседние владения отделялись друг от друга оградами, и владельцы избегали размещать свои постройки вблизи чужих строений.

Таким образом, жилые посады древнерусских городов обладали разреженной застройкой, которая была обусловлена вполне естественными причинами — характером землевладения и землепользования, определенными традициями размещения жилых и хозяйственных строений на территории двора.

Равнинный характер южно-, средне- и северорусского ландшафта не мог породить террасной застройки. Крутые берега рек чаще всего использовались под садовые и огородные посадки, укреплявшие оползневые склоны. Именно такая структура жилой застройки зафиксирована доперепланировочными планами Москвы (1767 г.), Смоленска (1778 г.), Рыльска (XVIII в.), отразившими в основном характер застройки конца XVII в., фиксационными чертежами улиц и дворов Москвы XVII в., планами археологических раскопок жилых дворов Новгорода X—XV вв., посада XIII—XIV вв. на Белоозере⁴⁰, Подола Киева X—XI вв.

Эта структура настолько не сходна со структурой застройки южных византийских городов, что нормативные ограничения, заложенные в 38-й грани Закона градского, почти не применимы для регулирования строительства и перестройки посадов древнерусских городов.

Единственные законоположения, с которыми нужно особо разобраться, — это статьи 4, 9 и 34, регулирующие ширину улиц и устойчивость границ улиц и площадей города. Здесь, правда, нужно подчеркнуть, что относительная устойчивость границ улиц и площадей в древнерусских городах не есть следствие закона, а законо-

⁴⁰ Ламацкий. Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и г. Пскова. — СПб., 1861; Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1963. — № 193. — С. 5—165; Голубева Л. А. Славянские памятники на Белом озере. Сборник по археологии Вологодской области. — Вологда. — 1961. — С. 25—46.

мерное следствие существования частной и государственной земельной собственности. При этом роль закона — не установление границ, а разрешение конфликтных ситуаций, возникающих при их нарушении. Конкретная ширина улиц определялась при межевании дворовых владений города. Учитывалось ли при этом законоположение Закона градского о желательном соблюдении размера улицы в 12 стоп (3 м 56 см)?

Планы археологических раскопок Новгорода, Белоозера, Московского Кремля дают следующие размеры — в Новгороде на всех ярусах от X до XV в. ширина мостовых сохраняется неизменной: Великой улицы — 4,4—4,5 м, Холопьев и Кузьмодемьянской — 3,5 м⁴¹; на Белоозере в посаде близ д. Крохино ширина мостовых XIII—XIV вв. — 3,5 м (мостовая № 1) и 2,7 м (мостовая № 2)⁴²; в Московском Кремле ширина мостовой конца XI в., вскрытой в восточном проезде ц. Двенадцати апостолов, — более 4 м⁴³ (может быть также около 4,4—4,5 м — Т. К.). С одной стороны, эти размеры вполне соотносимы с греческой стопой: 3,5 м — 12 стоп (3,56 м); 2,7 м — 9 стоп (2,67 м); 4,4—4,5 — 15 стоп (4,45 м). С другой стороны, они кратны русским мерам: 3,5 м — 2 сажени народных 1,76 м (3,52 м); 4,4 м — 2 сажени косых 2,17 м (4,34 м); 2,7 м — 1,5 сажени 1,76 м (2,64 м). Такое совпадение, однако, при отсутствии однозначного соответствия либо греческим, либо древнерусским мерам не дает возможности утверждать, что приведенные случаи являются доказательством применения норм Закона градского в русском градостроительстве. Скорее это свидетельство изначальной общности системы мер, на базе которой развились как греческие, так и

русские меры. Тем более, что в Законе градском говорится о ширине улицы от стены до стены дома, а в древнерусском городе мостовой выстилалась проезжая часть улицы, а частокалы, огораживающие дворовые участки, проходили с отступом от края мостовой. Стены же домов, даже построенных вдоль улицы, часто спрятаны за оградой, т. е. еще больше удалены от края мостовой. Таким образом, улицы древнерусских городов, если брать размер от ограды до ограды или от стены до стены, значительно шире указанных размеров. Большие разрывы между домами нужны были и для защиты от пожаров, которые легко возникали в древнерусских городах, имевших преимущественно деревянную застройку.

Такое различие структуры и плотности застройки городов юга и городов средней полосы и севера вполне естественно и сформировалось в процессе длительного приспособления градостроительных приемов к определенным климатическим условиям. Эта мысль хорошо выражена в известном «Трактате об архитектуре» Андреа Палладио (1570 г.)⁴⁴: «При определении улиц внутри города следует принимать во внимание климат и ту часть света, где расположен город. А именно, в городах, где климат холодный или умеренный нужно делать улицы просторными и широкими, ибо от их ширины зависит здоровье, удобство и красота города; чем менее воздух стеснен и чем он имеет более открытый доступ, тем менее он вреден для головы. Поэтому, чем холоднее местность, в которой расположен город, и чем более в ней воздух разрежен, тем шире должны быть улицы, чтобы солнце могло проникать в них повсюду, особенно если в городе очень высокие постройки. Что же касается удобства, то нет сомнения, что широкие улицы гораздо удобнее узких, так как в первых гораздо легче, чем в узких, будут расходиться люди, вьючные животные и повозки, а также очевидно, что раз в широких улицах больше света и одна сторона меньше заслоняет другую, можно на широких улицах любоваться красотой храмов и дворцов, отчего получается большое удовлетворение и город становится более украшенным. Но если город расположен в жаркой местности, то его улицы должны быть узкими, а дома высокими, чтобы благодаря тени от домов и узости улиц

⁴¹ Засурцев И. П. Указ. соч. — С. 7.

⁴² Голубева Л. А. Указ. соч. — С. 42.

⁴³ Древности Московского Кремля. — М., 1971. — С. 142.

⁴⁴ Четыре книги по архитектуре Андреа Палладио. Книга 3. — М., МСМ XXXVI. — С. 9.

умерялась жара местности, отчего последует здоровое состояние города; примером этому служит Рим, который (как мы читаем у Корнелия Тацита) сделался жарче и менее здоровым после того, как Нерон расширил улицы, чтобы придать им красоту».

Различие образов византийской и русской столиц очень выразительно описано в путешествии Павла Алеппского⁴⁵: «Этот город (Москва—Т. К.) занимает открытое местоположение: куда бы ты ни пошел, видишь луга, зелень и деревни в отдалении, ибо город расположен на нескольких холмах: высоко, в особенности Кремль. При каждом доме есть непременно сад и широкий двор; оттого говорят, что Москва обширнее Константинополя и более открыта, чем он».

Остается решить вопрос, применялся ли все-таки на Руси Закон градский, и если да, то в какой степени.

По-видимому, при очевидном несходстве градостроительных традиций могло все же возникнуть сходство юридических ситуаций — спор соседей о границах владений, посягательство владельцев жилых дворов на не принадлежащие им территории улиц и площадей города. При отсутствии соответствующих норм в древнерусских юридических документах (Уставе князя Владимира, Русской правде, Законе Судном людем и др.) княжеский суд мог обращаться к правовому опыту Византии.

Сам факт ограниченного распространения Закона градского в древнерусской правовой литературе, о котором говорилось в начале исследования, свидетельствует о том, что вопросы права, помещенные в большинстве глав (в том числе и 38-й) Закона градского, находили мало соответствия в социальной, экономической, строительной областях жизни русского общества. Исключение составили включенные в состав Русской редакции Кормчей законы о браке, правах наследования, назначения епископов, принадлежащие к области церковной юрисдикции.

⁴⁵ Алеппский Павел. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию// ЧОИДР.— М., 1889.— Вып. IV.— С. 3.

Этот вывод подтверждается и документами XVII в., в частности указом царя Алексея Михайловича, изданным в связи с готовившимся «Соборным уложением». В этом указе предписывается выписать из «градских законов Греческих царей» статьи, «пристойные к государственным и земским делам»⁴⁶. Показательно, что в соответствии с указом в Уложение были включены лишь три статьи из 38-й грани Закона градского⁴⁷, имеющие очень малое отношение к градостроительным вопросам: это запрещение ставить хоромы у межи соседа (п. 277 Уложения), располагать поварню у стены соседа (п. 278) и сыпать мусор из высоких хором на крышу соседа (п. 279).

Таким образом, исследование содержания 38-й грани Закона градского не дает положительного ответа на вопрос, каково же было влияние византийских законодательств на древнерусские градостроительные традиции. Объяснить это можно тем, что наименее вероятно проявление такого влияния именно в области жилого строительства, так как традиционные типы русского жилища формировались вполне самостоятельно и задолго до распространения на Руси византийских законодательных документов.

Иное дело храмовое и монастырское строительство, которое началось с момента принятия христианства, хотя его изначальное своеобразие трудно объяснить, если не предположить существования и в этой области определенных строительных традиций, связанных как с опытом сооружения культовых дохристианских построек⁴⁸, так и с опытом строительства первых христианских храмов до государственного принятия новой веры при князе Владимире.

Безусловно, именно в деле возведения храмов русское градостроительство должно было воспринять новые духовные правила и установления, определяющие нормы церковной жизни: строительства, землевладения, землепользования, юридических отношений с государственной властью.

⁴⁶ Бенеманский М. Закон градский.— М., 1917.— С. 3.

⁴⁷ Полное собрание законов Российской империи.— Собр. I.— СПб., 1830.— Т. I.— С. 60.

⁴⁸ Срезневский И. И. Исследования о языческом богослужении древних славян.— Харьков, 1848.